

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

A close-up of a woman's face, looking directly at the viewer. Her face is partially obscured by a dark, textured veil on the left side. A cascade of glowing, multi-colored particles (yellow, orange, and purple) flows from her chin down towards the bottom of the frame. In the bottom right corner, there is a small, open, gold-colored cosmetic jar with a white lid. The jar is filled with a white cream, and two red hearts are placed on top of it. Below the jar, there are several more red hearts, some of which are broken or shattered.

ВИТАМИН ЛЮБВИ

А на что ты готова ради мести?

Annotation

Она привыкла влюблять, покорять, восхищать. Мужское сердце для Милы — трофей, которым она не слишком дорожит: завоевывает, использует, потом легко бросает. В сердечных делах ей даже интереснее одерживать верх над соперницами, ведь просто любить скучно. Неужели ни одна из них не готова отомстить? Или мстить должны те, кого она шутки ради успевает назвать виновными в своей смерти, перед тем как исчезнуть?..

Анна Данилова

Витамин любви

© Дубчак А. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

3 февраля 2010 г.

Наступило какое-то оцепенение. От шока почему-то появилось много сил, и она, как ей тогда казалось, могла просидеть на холодной лестнице еще долго, до скончания века, что называется. Она забралась на пролет выше, устроилась на самой верхней ступеньке, неподалеку от мусоропровода, и не отводила взгляда от интересующей ее двери. Иногда ей начинало казаться, будто бы дверь расплывается, покачивается, становится мутновато-мармеладной, и стоит только приблизиться к ней и попробовать шагнуть, как нога увязнет в тугой мягкости, а там... Вот о том, что происходило за дверью, она старалась не думать. Было страшно и очень больно. А еще она злилась, она никак не могла понять, как могло произойти, что ей, и без того невезучей и несчастной уже по факту своего рождения, приходится теперь терпеть и это. За что? Почему одним — все, а другим — ничего? Некоторые сейчас сидят в теплой квартирке и попивают чаек (или кофе, или шампанское, или просто красное вино), прислушиваясь к биению сердец и к завыванию февральского ветра за окном. А другим (ей, к примеру) приходится сидеть на ледяной лестнице и завывать самой от боли и унижения?.. Неужели мир устроен таким образом, что в нем нет порядка и никто там, наверху, не контролирует распределение счастья и горя? Кто-то не может закрыть холодильник из-за того, что он переполнен, а другие страдают от элементарного голода?

Сначала замерзли пальцы рук. Не спасали даже перчатки, и Тина пожалела, что не надела толстые вязаные варежки. Потом стали неметь ноги, обутые в меховые ботинки. Тонкие и вполне даже ничего выглядевшие ботиночки на натуральном меху. Ну не в валенках же ей было сюда приходить? Потом она сама, как ей казалось, начала примерзать к ступеням.

И вот приблизительно тогда-то и раздался звук отпираемой двери и легкие шаги. Она почему-то сразу подумала, что это Тамарка идет выбрасывать мусор. И кто только придумал эти мусоропроводы? Эти вонючие колодцы отбросов, в которых благополучно жиреют крысы? Очень страшное место, если разобраться, просто дьявольское. Не зря же именно туда отчаявшиеся молодые мамы выбрасывают своих нежеланных новорожденных детей...

— Тина? — У пахнущей домашними пирогами Тамары округлились глаза. — Зачем ты здесь? И давно?

— Давно... Сама знаешь.

— А чего ко мне-то не зашла?

— Зачем?

— Ну... Поговорить, погреться. Да ты сошла с ума! Нельзя так! Ты же придатки застудишь! Или вообще схватишь воспаление легких и умрешь! Чего ты этим добьешься?

— Одной душой станет меньше... И в классе одной бездарной ученицей — тоже.

— Ну, точно дура. Быстро поднимайся, и пойдем ко мне...

— Нет. Я не пойду.

— Но ты же замерзнешь!

— И пусть!

Она почувствовала, как к лицу прилила кровь и в глазах защипало. Еще немного, и она разрыдается здесь, на лестнице, чего уж никак нельзя допустить.

Между тем Тамара деловито взяла ее за руку и потянула на себя.

— Быстро поднимайся. Не сходи с ума, Тина! Он этого не стоит. Прошу тебя, пойдем, иначе может случиться непоправимое... На улице холод и ветер... ты на самом деле можешь простудиться. А я-то дура какая! Зачем позвонила и рассказала? Теперь, если что случится, я себя винить буду. Тина, пожалуйста, вставай!

— У тебя родители, я не могу... Что скажу?

— Да что особенного в том, что ко мне пришла подружка с ночевкой? Подумаешь? Обычное дело!

Тина уступила. Инстинкт самосохранения дал себя знать. К тому же она так ясно представила себе, как уже входит с Тамарой в ее теплую квартиру, как забирается в ванну, до краев наполненную горячей водой.

— Да, ты права... — в голосе ее звучали слезы. — Только ванну мне налей... И чтобы вода была горячая... Я не знаю, что со мной, но так хочется в горячую воду...

— Вот умница. Пойдем-пойдем... Бедняжка... А я-то хороша?!

Уже перед тем как войти в квартиру Тамары, Тина обернулась и последний раз взглянула на дверь, которая сейчас выглядела огромной, нелепой и почему-то страшной.

— Пойдем, мама уже спит, мы с тобой, после того, как ты, конечно, согреешься, попьем чаю. Мама испекла такие пирожки... И вообще, Тина, жизнь прекрасна...

«Только не для меня», — с горечью подумала Тина и судорожно вздохнула.

4 февраля 2010 г.

Вот уже два дня как они гостили в Москве. Валерий Николаевич, старинный друг мужа, пригласил на юбилей. Ирина откровенно скучала, поскольку за столом (холеному розовощекому человеку с ухватками успешного бизнесмена исполнялось пятьдесят лет) не было ни одного знакомого лица. Не с кем поговорить, да и желания знакомиться, скажем, с женами приятелей Валеры тоже не было. Все они, москвички, казались Ирине чужими, заносчивыми и недоброжелательными. Однако надо же было получать удовольствие хотя бы гастрономического толка, поэтому она, забыв про свои саратовские диеты и привычный образ жизни, спокойно поела вкуснейшие салаты, закуски, сравнивая их с тем, что готовила сама.

Несмотря на то, что Валерий Николаевич мог бы себе позволить отметить юбилей в каком-нибудь дорогом московском ресторане, семья решила пригласить самых близких друзей и родственников домой. Поэтому на столе было много самодельных овощных консервов и вкусных пирогов. Ирина, женщина волевая, при других обстоятельствах ограничилась бы легкой и низкокалорийной едой. Здесь же, среди чужих людей, которые уж точно не стали бы упрекать ее, что она нарушила диету, она могла без оглядки позволить себе жирный окорок, курочку, сладости.

Первую ночь после застолья ночевали в этой же квартире, в спальне хозяев. Многочисленные родственники разошлись-разъехались по домам. Хозяйка, жена Валерия, Катя, долго не могла уснуть, Ирина слышала, как она продолжает прибираться на кухне. Конечно, можно было выйти из спальни, предложить свою помощь, но простой женской работой это не ограничилось бы. Вытирая тарелки и фужеры, она непременно должна была бы отвечать на дежурные вопросы Кати, выслушивать какие-то истории. А Ирине этого не хотелось. Она уже давно приняла решение держаться от чужих людей подальше. У нее было две подруги, три приятельницы, проверенные и порядочные женщины, и этого общества Ирине хватало с избытком. К чему новое знакомство, погружение в чужую семью? Или — того хуже — воспоминания, связанные с темой студенческой дружбы мужей? Точнее даже, не воспоминания, а попытка предстать в роли всезнающей женушки. На самом деле она наверняка ничего не знает. Как и Ирина. Зачем ворошить старое?

Павел уже давно спал, сладко похрапывая во сне, и Ирина, разглядывая освещенное ночником лицо мужа, поймала себя на том, что жалеет его, понимает его желание подольше задержаться в Москве. Ведь там, в Саратове, ни одной свободной минуты. Даже дома его одолевают звонки. Он крупный чиновник, уважаемый в городе человек, его день расписан по минутам. Здесь же его никто не достает. Он с самого начала решил, что отключит свои телефоны — он уехал к другу на юбилей и все. В родном городе его нет и не будет в ближайшие несколько дней. Каждый имеет право на личную жизнь. И не для того он приложил так много усилий, во многом себе отказывал, карабкаясь по чиновничьей лестнице, чтобы не иметь возможности просто отдохнуть.

Ирина склонилась над мужем и поцеловала его в щеку. Запах алкоголя, смешанный с запахом его духов. Приятно. Она провела ладонью по его волосам, затем еще и еще... Ты самый лучший мужчина в мире. Так она говорила ему в самые нежные минуты их близости.

Хотелось прижаться к нему и заснуть. Но сна не было. А это означало, что она только

будет ворочаться рядом со спящим мужем, пока не разбудит его. Значит, надо занять себя чем-то, навевающим тему. Но чем?

Ирина поднялась с постели, села на кровати и оглядела еще раз придирчивым взглядом хозяйскую спальню. Нет, она не любила этот современный стиль — геометрия в черно-белых тонах, шкура зебры напротив железной кровати, лампа черного цвета. Холодные белые стены, ниши в стенах, заполненные сомнительными безделушками, белый ковер под ногами. Нет, не хотела бы она жить в таком доме. Здесь нет тепла, нет уюта, хотя наверняка все это стоит больших денег. Другое дело ее итальянская спальня с широкой деревянной кроватью с резной спинкой, туалетный столик с зеркалом в рамке (настоящее произведение мебельного искусства!), пухлые мягкие кресла, настоящий персидский ковер!

И вдруг что-то произошло. Она и не сразу поняла что. Просто где-то в груди, внутри, все похолодело, и такая страшная тоска охватила, что стало страшно. Нехорошее предчувствие. Леденящий душу ужас. Что это? Откуда взялось? Ведь еще недавно она чувствовала себя счастливой и душа была спокойна. Она вспоминала застолье только для того, чтобы лишний раз признаться себе, что ее Паша — самый красивый и представительный мужчина из всех, кого она увидела на юбилее. Потом мысли ее унеслись домой, она вспомнила свою спальню, свой дом, дочь...

Вот. Вот откуда паника: страх за близкого человека. За Милу.

Нарастающий ужас был так велик, что Ирина, забыв, как только что думала о праве мужа отдохнуть, принялась безжалостно расталкивать его.

— Паша, Паша! Да проснись же ты! Так тревожно на душе... Как там Мила? У меня какое-то нехорошее предчувствие...

Павел что-то эмоционально, громко, но не просыпаясь, ответил, перевернулся на другой бок и захрапел снова.

— Паша... — зашипела на него жена. — Паша, проснись!!! Давай позвоним Миле!!!

И потом вдруг, на мгновение придя в себя, поняла, что может и сама позвонить дочери. Ничего, что звонок ночной. Лучше уж разбудить Милу и успокоиться, услышав ее голос, чем сходить с ума от неведения.

Успокаивая себя, Ирина отошла к окну, набрала номер.

Мила долго не отвечала, и Ирина, глядя на застывшие в февральском ночном оцепенении многоэтажки с редкими леденцово-слезящимися оранжевыми и желтыми окнами, представляла себе пустую девичью постель, распаханное в ночь, в зимнюю пургу, окно...

Когда вдруг в телефоне щелкнуло и она услышала сонный и недовольный голос дочери, сердце ее бухнуло, замерло, а потом, придя в норму, вернулось к своему прежнему ровному ритму.

— Ма, ты чего? — простонала Мила, и Ирина представила ее себе — с распущенными волосами, в пижаме, с закрытыми глазами и сморщенным в капризной гримаске носиком. Такую хорошенькую, родную...

— Да так... Милочка... Сон нехороший приснился, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Ты на часы смотрела? Почти два ночи!

— Ну извини... Вот когда будешь мамой, вспомнишь меня... Понимаешь, я соскучилась... Как-то непривычно, что мы уже два дня в гостях... Одно дело, у наших знакомых, и совсем другое — здесь, я же здесь никого не знаю... Так скучно... Хотя люди,

конечно, хорошие...

— Ты хочешь поделиться со мной впечатлениями? — оборвала ее Мила. — Я спать хочу... У меня даже глаза закрыты! Не открываются...

— Все-все, извини... Спокойной ночи...

— Вы когда приедете-то? — снизошла Мила до родственного тона.

— Не знаю... Но завтра, вернее, уже сегодня у них какая-то встреча... Кажется, поедут к своему общему другу, он здесь большая шишка... В ресторане будут сидеть. А вот чем я займусь — ума не приложу...

— По магазинам, ма, по магазинам... А вечером составишь компанию жене именинника... Как бишь его?

— Валерий.

— Вот! Все, ма, спокойной ночи... Ложись. И постарайся расслабиться.

Ирина закрыла телефон. Вот теперь она точно не уснет. Мила. Она — и как будто не она. Голос вроде ее, но тон словно чужой... Она всегда была такой ласковой, нежной. Идеальная дочь. И вдруг это «ма»... Капризная, раздраженная... Какая-то искусственная.

Конечно, глупо предполагать, что это на самом деле не она. Но Ирина с ее живым воображением быстро представила себе, что квартира разграблена, что там вповалку спят какие-то посторонние люди, и среди них та самая девушка, которая разговаривала с ней вместо дочери...

А что? Она запросто могла спутать голоса. Телефон ведь искажает. И почему только она не догадалась расспросить ее о чем-нибудь таком, известном только двоим...

Она снова набрала номер. На этот раз Мила ответила сразу.

— Мам, ну ты чего? На самом деле так плохо?

— Да нет... Мила, скажи, мне никто не звонил?

— О боже! Мама, а ты не могла подождать до утра?

— Дочка, ну почему ты так разговариваешь? Грубишь?

— Я? Ты что? Просто я сплю...

— Так мне звонил кто или нет?

— Тетя Галя звонила, говорит, что перенесла свой день рождения, не хочет отмечать без тебя. И все с ней согласились...

— Ладно, извини... Больше сегодня звонить не буду.

— Так когда вы вернетесь?

— Я не знаю. А ты... ты что, соскучилась?

— Конечно...

— Целую тебя, милая...

— «Милая Милочка!» — передразнила ее Мила, и это был их пароль, знак, что они друг друга прощают, все в порядке. — И я тебя тоже целую. Успокойся. Все хорошо.

Теперь все было на самом деле хорошо: Ирина убедилась, что это действительно Мила. Закрыла телефон, выключила лампу и легла. Обняла мужа, прижалась к нему, и ей показалось, будто бы его сладкий сон накрыл и ее с головой...

14 февраля 2010 г.

Лиза Травина, адвокат, вернувшись из суда, где участвовала в двух заседаниях, расположилась на диванчике в своем офисе. Она страшно устала, но предстояло еще подготовиться к завтрашнему, очень сложному процессу. Вместо того чтобы отправиться домой, к мужу, она решила передохнуть немного здесь, почитать завтрашнее дело и только потом позволить себе расслабиться.

Ее помощница, Глафира Кифер, заваривала чай в кухне, чтобы успеть напоить Лизу до того, как та уснет.

— Послушай, Лиза, разве можно так много работать? Посмотри, на кого ты стала похожа! Кожа и кости! Да тебя скоро твой Дима бросит. Вот вспомнишь потом меня... Вы оба столько зарабатываете, что могли бы позволить себе несколько лет вообще не работать! Жизнь прекрасна и удивительна, а вы с ним, вместо того чтобы радоваться, грузите себя одной работой...

Глафира, энергичная пухленькая молодая особа с большой грудью, внесла в приемную поднос с чаем и булочками.

— Вот, поешь, потом, так и быть, разрешаю тебе немного отдохнуть, даже поспать...

Лиза открыла глаза, вздохнула и нехотя поднялась с дивана. Это была худенькая русоволосая молодая женщина редкой красоты — лицо не портили даже признаки явного переутомления.

— Глашенька, я все понимаю... Но что поделать — работа у меня такая. Суды, суды, а это целые тома уголовных дел, и изучать их надо очень внимательно...

— Знаю-знаю, за ними стоят человеческие судьбы... Но у тебя-то тоже есть своя судьба, своя жизнь, свое здоровье, наконец. Мне так тебя жалко...

— Ты не жалеяй меня, у меня все в порядке. И спасибо за чай. Ты не представляешь себе, как же я рада, что ты у меня есть. Идеальная помощница.

Лиза приняла из ее рук чай и сделала несколько глотков.

— Замечательно! Просто замечательно. За окном ветер, холод, словом, февраль, а ты приносишь мне чашку крепкого свежесваренного чая! Всегда знаешь, что я хочу...

Замурлыкал телефон, Лиза встрепелулась. Она знала, кто это.

— Дима? Привет, родной. Да, все закончилось. Можешь нас с Глашей поздравить... Все в нашу пользу. Домой? Пока не могу. Сейчас вот в офисе чай пью — мне надо еще немного поработать... Нет, я просто не дотащу все эти папки... К тому же, согласись, ну совсем нерабочая обстановка. Так и хочется завалиться под одеяло, закрыть глаза... А у меня завтра с утра процесс по делу Терентьева. Да-да. Того самого. Знаю, что это он убил, но я же адвокат, надо будет как-то вытаскивать его... Он же в душе не преступник. Ну, был в состоянии аффекта... Я всегда стараюсь представить себе, что чувствовал человек, когда убивал другого... Что? Ах, да... Конечно, страшно. И мне страшно, и Глаше тоже. Но мы любим свою работу, как и ты — свою. Ладно, потерпи немножко, поспи... Приду — обязательно разбужу. Поесть найдешь в холодильнике. Да-да, Глашины котлеты. Что делать, если я нигде не успеваю, а домашнего хочется? Ладно, дорогой, целую... Что?

Она посмотрела на Глашу.

— Я забыла... Совершенно забыла... Нет, я понимаю, конечно, что это не наш, не

российский праздник, но все равно... Надо было, конечно, отметить. Дима, ты прости меня... Но мне действительно надо еще немного поработать, иначе я буду завтра бледно выглядеть в суде. Хорошо, целую еще раз...

Лиза положила трубку.

— Вот так, Глафира. Сегодня, оказывается, День святого Валентина, Дима ждал меня, накрыл стол... Жаль, что все так получилось... Скоро бросят нас наши мужья. Твой Адам тоже, наверное, заждался. Ты иди... Может, Адам тоже тебя ждет?

— Это несерьезный праздник, — попробовала утешить Глафира. — И больше для молодежи.

— А мы с тобой кто?

— Взрослые деловые люди. А мужья подождут. Я тебя одну не оставлю.

— Глупости, Глаша. Я стану тупо изучать дело, а ты иди домой, я серьезно. Не бойся, премиальных все равно не лишу.

Она устало улыбнулась. И в эту самую минуту раздался звонок в дверь. Глаша, пожав плечами — мол, и кого это принесло, как-никак восьмой час, — пошла открывать, взглянула в дверной глазок. В свете фонаря, подвешенного над крыльцом офиса, увидела женщину, съезжившуюся от холода. Открыла.

— Добрый вечер. Смотрю — свет горит, думаю, Лиза здесь... — сказала женщина, стуча зубами от холода. — Моя фамилия Семенова. Надя Семенова. А вы, вероятно, Глафира. Мне Лиза рассказывала.

— Проходите, пожалуйста. — Глаша впустила посетительницу. Понимая, что она является, скорее всего, знакомой Лизы, не стала ее представлять, а отошла в сторону, продолжая внимательно наблюдать за происходящим. Вот только что она отправляла Лизу домой, твердила ей о здоровье и о том, что нельзя так себя гробить, и вдруг — посетительница. Глаза испуганные, голос дрожит. Что-то произошло. Иначе бы не пришла в такую погоду и так поздно.

— Надя? — Лиза поднялась ей навстречу. На лице ее появилась слабая улыбка, как у человека, который мгновенно оценил ситуацию и понимает, что сейчас не до улыбок, хотя он и рад видеть гостя. — Что случилось?

— Мне надо с тобой поговорить. Я понимаю, ты — человек занятой, у тебя и без меня много дел, но речь о моей сестре, и если ты не поможешь, то никто не поможет...

— Лена? Что с ней? Да ты проходи, Надя, садись, пожалуйста. Вот, познакомьтесь, это Надежда, — представила она посетительницу, — а это — моя помощница Глафира. Ей, Надя, ты можешь доверять так же, как и мне.

Надежда как-то нервно, суетливо осмотрела комнату, как бы ища глазами место, куда именно можно сесть. Глаша с хозяйским видом подошла и молча приняла у нее из рук шубу, шапку, после чего проводила вконец растерявшуюся посетительницу к стулу, чтобы та могла расположиться точно напротив Лизы, сидящей за огромным письменным столом, загроможденным кипами уголовных дел и многочисленными томами юридической литературы («Глаша, ты ничего не уберешь с этого стола, мне нужно, чтобы все это было под рукой!»).

— Ну, рассказывай, так что там случилось? — спросила Лиза. — Да, кстати, я не сказала тебе, Глаша, это моя одноклассница...

— Господи, сейчас все это кажется каким-то нереальным, — пробормотала бледная Надежда. — Наша школа, класс, какие-то веселые ожидания... Тогда все казалось радужным,

мы были настроены идти по жизни с улыбкой. Однако жизнь оказалась такой жестокой... Да и зачем я все это говорю, если ты, Лиза, завалена, я же вижу, кипами уголовных дел, ты, как никто, знаешь, как много вокруг несправедливости, страшных людей, убийц, насильников... Честно говоря, когда я узнала, что ты — ведущий в городе адвокат и по ходу еще сама помогаешь расследовать какие-то дела, что к тебе вообще не пробьешься, настолько ты занята, я удивилась. И не потому, что сомневалась в твоих способностях, скорее наоборот, я еще в школе оценила, какая ты умница, ты же так легко училась, у тебя всегда была прекрасная память и умение ладить с людьми... Нет, просто я хотела сказать, что ты всегда была человеком эмоциональным, хрупким, честным, ранимым, как цветок... И теперь вот разгребашь нежными руками все это... всю эту грязь!

— Такая работа, — пожала плечами Лиза. Глафира отметила, что она с приходом посетительницы явно прибодрилась. А ведь еще недавно выглядела такой утомленной. Что это? Любопытство, которое придало сил, или желание помочь подруге, даже не зная, о чем пойдет речь?

— Так что случилось с Леной?

Надежда, потерев ладошкой влажный лоб, розовый от тесной меховой шапки, и проведя пальцами по примятым каштановым кудрям, вздохнула.

— Моя Лена... Ты же ее хорошо знаешь. Так вот, она давно уже работает в школе, учительницей физики. Прекрасный педагог. Очень любит детей...

— Сериал «Школа» почему-то вспомнился, — оживилась Лиза. — Неужели сейчас в школе все так, как там? Или это преувеличено? Знаешь, я посмотрела всего несколько серий, да и то урывками, просто сидела здесь, у себя, и ждала, когда на экране появится строчка очень важного для меня объявления... Мы тогда искали одного человека... Так вот, я просто вынуждена была смотреть этот сериал. И, признаюсь, у меня волосы встали дыбом, когда я погрузилась в эту атмосферу, и поблагодарила бога за то, что я стала юристом, а не педагогом... Как-то страшно стало за учителей. Ты извини, что я отвлеклась, но мне уже заранее Лену жалко...

— Вот! Ты попала в самую точку! — почти вскрикнула Надежда. — Понимаешь, может, другие учителя и испытывали сложности с этим одиннадцатым «Б», но на уроке Лены все сидели как шелковые и изучали физику. Я не могу сказать, что она была строгой учительницей, она относилась к детям, я бы сказала даже, с нежностью, но у нее был свой подход к ним, она умела им внушить: то, чему она учит, пригодится им в жизни. И не учиться — нельзя...

Лиза нахмурила брови.

— Я не поняла, Надя... Почему ты говоришь о сестре в прошедшем времени?

— Нет-нет, может, я не так выразилась, Лена жива и здорова... Хотя уже не так здорова... словом... Вот!

И она с готовностью, резким движением вынула из кармана шубы смятый листок и протянула Лизе.

— Это ксерокопия, которую мне удалось получить в милиции...

Лиза расправила листок на столе, и они с Глашей прочли:

«В моей смерти прошу винить Елену Александровну Семенову. Устала от унижений и оскорблений. Не поминайте лихом... Мила. Прости меня, мама...»

Лиза подняла голову.

— Что это? Кто это написал?

— В ее классе девочка одна, отличница, представляешь? Мила Казанцева... — Уголки губ Нади опустились, лицо задрожало: — Ее нашли мертвой. У себя дома! Вчера вечером.

— Мертвой?

— Да, и с этой запиской на столе. Девочка приняла яд. Какой, пока неизвестно. Просто налицо все симптомы отравления. Лиза, умоляю тебя, позвони кому нужно, узнай, что за яд? И точно ли это почерк той девочки?

— Где твоя сестра?

— Дома. Никаких официальных санкций еще не было, она даже не успела еще дать подписку о невыезде, но ты же понимаешь — ее могут обвинить по статье «доведение до самоубийства». Но она никого и никогда не могла бы довести до самоубийства! Полная чушь!!! Лиза, ну что ты молчишь?

— Думаю, что можно сделать. Во-первых, не паникуй. Различные ситуации бывают в жизни, может, это чья-то злая шутка? Хотя... Подожди. У меня у самой в голове все перемешалось. Умом я понимаю, что Лена — не тиран, она по природе своей как будто бы не могла... Но люди меняются, Надя. Ты не осуждай меня за подобные слова, просто этот сериал про школу произвел на меня неизгладимое впечатление. Думаешь, я просто так посмотрела и забыла? Ничего подобного. Меня заинтересовало, действительно ли все так обстоит на самом деле. И я, бывая в гостях, где есть дети-подростки, задавала один и тот же вопрос: и у вас так же? Знаешь, что мне ответили дети? Девяносто процентов сказали, что у них еще похлеще... Вот я сразу и подумала: а что, если твоя сестра просто не совладала с собой, понимаешь, и наговорила девочке, которая ее доставала, лишнее? Оскорбила ее и, может быть, даже унизила? Сказала, к примеру, что у нее нет мозгов или что-нибудь в этом роде... Только все равно — от этого не кончают с собой. Вот если бы была настоящая травля, о которой знал бы весь класс...

— Прошло слишком мало времени, я правильно понимаю? — спросила Глаша. — Детей еще никто не опрашивал.

— Как раз сегодня опрашивали. Но мне-то ничего не известно. Лиза, прошу тебя, будь адвокатом Лены, помоги ей. Как бы она не наговорила лишнего.

— Но ее наверняка уже допрашивали или просто проводили предварительную беседу, так?

— Да, конечно... Меня там не было, но я потом спрашивала ее, она сказала, что все отрицала. На самом деле у Милы в последнее время было не очень-то хорошо с физикой, она получила двойку по самостоятельной, но это же случается с каждым. Конечно, девочка могла привыкнуть к пятеркам, но двойка — разве это катастрофа, из-за которой можно глотать яд?

— Что-то здесь не так... Думаю, надо подождать, когда будут готовы результаты экспертизы и вскрытия. Может, девочка была беременна или изнасилована... Или записку писал кто-то другой, пытаюсь подделать ее почерк. Нет, физика здесь на самом деле ни при чем... Хорошо, Надя, я согласна стать адвокатом твоей сестры, но для этого я должна встретиться с ней, подписать соглашение, только после этого меня допустят к материалам дела.

— Она ждет тебя.

— А почему сама не пришла?

— За ней ведь могут прийти в любую минуту... Она — комок нервов. Господи, какой ужас! Вот так живешь, никого не трогаешь, и вдруг на тебя заводят уголовное дело...

Надя вздрогнула — зазвонил мобильный телефон. Она схватила трубку, предполагая,

вероятно, что это сестра. И, услышав знакомый голос, напряглась:

— Что? Что с тобой? Подожди... Не так быстро... Кого нашли? Нет, этого не может быть... Нет...

14 февраля 2010 г.

Сказать, что Валентина Шляпкина ожидала увидеть в своем электронном почтовом ящике поздравления многочисленных виртуальных мужчин, — ничего не сказать. Их должно быть много, ведь последнее время она только и делала, что общалась по Интернету с лицами противоположного пола. Это было интересно, приятно и, главное, безопасно. Как-то так сложилось, что многие одинокие ровесницы из ее окружения влипали в опасные истории, связанные с новыми знакомствами. Тихие алкоголики, откровенные пьяницы, бомжи, аферисты... Интернет же позволял, не выходя из комнаты, общаться с мужчинами и даже строить подобие любовных отношений.

Сегодня, в День святого Валентина, ее должны завалить виртуальными подарками, букетами, поздравлениями, стихами... И весь этот призрачный ворох счастья она должна получить вечером, открыв свой компьютер. На работе не хотелось — еще увидит кто-нибудь из коллег. Она начальник отдела, за дисциплиной следит строго и никому из своих подчиненных не позволяет использовать компьютер в личных целях. К тому же куда приятнее читать поздравления и многочисленные послания дома, в тихой привычной обстановке.

Тамары наверняка дома не будет. Да даже если бы и была! Дочь никогда не мешала ей — никогда и ни в чем. Ей повезло. Тихий, спокойный, ласковый ребенок. Хорошо учится, с одноклассниками дружит. Над некоторыми и вовсе взяла ненавязчивое шефство...

Однако Валентина никак не могла предположить, что День всех влюбленных ознаменуется не только виртуальными поздравлениями. А оказалось, он украсится присутствием реального и очень симпатичного мужчины, ее коллеги по работе, который ей всегда нравился, но никогда прежде не проявлял к ней интереса. Достойный во всех отношениях молодой еще вдовец, как оказалось, был открыт для новых отношений и выбрал именно ее, Валентину, чтобы провести с ней вечер. Он зашел к ней в кабинет в конце рабочего дня и пригласил в ресторан. Очень просто прибавил, что она давно ему нравится, но он не осмеливался сказать об этом, но сейчас, когда в воздухе пахнет любовью (так и сказал!), ему хочется провести вечер в обществе приятной женщины. Он сказал, что заедет за ней в восемь вечера. А когда вышел из кабинета, она вдруг поняла, что никогда не давала ему адреса и что он каким-то образом сам узнал его. Может, ему помогли в отделе кадров, может, проследил, когда она возвращалась с работы... В любом случае приятно, что Роман Станиславович оказался таким «мужчинистым», решился подойти к ней и пригласить в ресторан.

Домой она летела, прикидывая в уме, во что нарядиться. Вечернее платье или что-нибудь попроще? Решила, что наденет свою любимую декольтированную блузку и пышную, такую же, как у Тамары, юбку до середины колена, из серой перламутровой органзы, чтобы подчеркнуть красоту длинных стройных ног. И колготки наденет черные, прозрачные, тонкие-претонкие...

Вся ее виртуальная жизнь, в которой она томила последние пару лет, сразу отошла на второй план, и ей было уже не так интересно открывать компьютер. Она стремительно ехала на своей машине по центральной улице города, отмечая про себя, что, хотя на улице так морозно и ветрено, люди, которых она видела из окна, выглядят счастливыми, нарядными,

все куда-то спешат — вероятно, навстречу любви.

Кто знает, как у нее, Валентины, сложатся отношения с Романом? Он — ведущий специалист в фирме, где она работает, уважаемый человек. Она знала, что многие ее приятельницы мечтали бы провести с ним вечер, да только за ним закрепилась репутация безутешного вдовца. Поговаривали, что у него после смерти жены не было вообще ни одной попытки как-то наладить личную жизнь. Она точно знала, что, во всяком случае на работе, у него не было ни одного романа, он ни с кем не встречался, а ведь красивых одиноких женщин у них очень много. Однако в ресторан сегодня пригласил именно ее, Валентину!

Ей даже захотелось, чтобы Тамара была дома — не терпелось рассказать дочери о приглашении. Они понимали друг друга и всегда прекрасно ладили.

Валентина оставила машину возле подъезда, на своем, отвоеванном у соседа, месте, быстро поднялась на лифте на девятый этаж и только сейчас вспомнила, что же портило ей настроение с самого утра. Она напрочь забыла об этом после визита Романа. Нет, какое-то неприятное и тяжелое чувство продолжало сидеть где-то глубоко в душе, но мозг словно заблокировал утреннее известие о чужом горе. Оно вернулось к ней саднящим воспоминанием только сейчас, когда она увидела дверь своих соседей Казанцевых. Умерла Мила, их дочь. Чудесная девочка, круглая отличница и подруга Тамары. Вроде отравилась. И оставила после себя записку, мол, в моей смерти прошу винить учительницу по физике — Елену Александровну Семенову. Полная чушь — так подумала о причине смерти Валентина, когда безутешная мать Милы, Ирина, рассказала ей о несчастье. Валентина лично была знакома с физичкой и считала ее прекрасным педагогом. Во всяком случае, после того, как она стала вести физику, Тамара с троек перешла на четверки и даже на пятерки, она говорила, что Елена Александровна очень хорошо все объясняет, у нее на уроке не приходится трястись от страха, теперь она понимает некоторые вещи, о которых прежде имела лишь самое смутное представление и должна была принимать просто как данность. К тому же — Валентина это знала тоже от Тамары — дисциплина на уроке физики (чего нельзя сказать о других предметах и учителях) позволяла ученикам проходить программу даже с опережением плана, а потому оставалось время на дополнительные лабораторные работы, которые Тамара так любила. Словом, все, что знала Валентина о Елене Александровне от своей дочери, выглядело умиротворяюще, да и сама Тамара, услышав о смерти подруги, пришла в недоумение.

Понятное дело, что вместо того чтобы радоваться и веселиться в День святого Валентина, одноклассники находились в трауре. И Тамара собиралась пойти в школу в черном платье. Что ж, правильно, поддержала ее Валентина.

И вот сейчас она стояла перед дверью Казанцевых и представляла, как через день-два здесь появится зловещий спутник смерти — угрожающего вида крышка гроба...

Ее даже передернуло от ужаса. Она поспешила открыть дверь собственной квартиры и решила про себя, что не станет рассказывать дочери о предстоящем свидании. И постарается вообще выскользнуть из квартиры тихо и незаметно, чтобы Тамара не увидела ее в короткой юбке и открытой блузке. Тогда уж наверняка начнутся вопросы и Валентина почувствует себя неуверенно...

Она вошла в квартиру, разулась и прошла внутрь, на ходу снимая шапку, шубу.

— Тома-а!!! — звала она. — Томочка-а!!!

Но дочери дома не было. Может, они с классом решили все-таки встретиться где-нибудь, чтобы отметить праздник? Траур трауром, но жизнь-то продолжается... Валентина и не

знала, как бы поступила на месте дочери — продолжала бы печалиться по поводу подружки или отправилась бы в пиццерию с друзьями. Хотя, скорее всего, если они и собрались классом, то не из-за святого Валентина, а чтобы помянуть Милу. Какая была девочка! Красавица, умница, подавала большие надежды, шла на золотую медаль... И кому теперь все это нужно? Не пожила, не порадовалась, не полюбила, детей не нарожала... Умерла девственницей. Значит, хоронить будут в подвенечном платье и фате...

У Валентины мороз пошел по коже. Даже волосы зашевелились.

Она вошла на кухню и сразу увидела дочь. Та лежала на полу, будто заснула, нахмутив брови. Разметала руки во сне. Светлые ее волосы рассыпались по плечам и плиткам пола. Халатик распахнулся, показывая розовые трусики. Какие белые ноги, словно их припудрили...

— Тамара, поднимайся... Господи, чего выдумала!

Она почему-то сразу решила, что дочь пьяна. Встретились где-то с друзьями, помянули Милу и выпили. Дочь не рассчитала. Пришла домой, ей стало плохо. Вот теперь забылась тяжелым алкогольным сном. Дурочка. Так расстроилась... Хотя, скорее всего, это не от расстройства, а от отсутствия опыта. У нее же нет опыта. Ну, пила на праздниках по глотку шампанского. А сегодня, видимо, было что-то покрепче. Ребята уговорили. Может, хотели посмотреть, как она себя станет вести? А может, кто и воспользовался ее состоянием?..

— Томочка, поднимайся, — Валентина опустилась на колени перед дочерью и принялась тормошить ее. — Господи, ну разве можно так?

Она потянула ее за руку, хотела поднять, но тело девушки оказалось странно тяжелым.

— Смотри, застыла совсем... ну-ка, просыпайся, поднимайся... — Она снова попыталась поднять ее, обняла за плечи, развернула к себе, и только когда увидела белое лицо с перепачканным рвотой ртом и прикрытыми глазами, ей стало как-то нехорошо. Тошнота подступила к горлу.

Она хотела сказать что-то еще, но только раскрывала рот, как рыба. Рука Тамары была холодной. И вторая тоже. И щеки. И лоб...

Тогда она с силой схватила дочь за плечи и принялась трясти, пытаясь вернуть к жизни.

— Та-а-а-ма-араа!!! — кричала она осипшим голосом. — Что с тобой?

Дочь не подавала признаков жизни.

Валентина схватила телефон и быстро набрала номер «Скорой помощи».

— Моя дочь... Она лежит... холодная... на полу... Думаю, что алкогольное отравление... Она спит, спит... Она же спит!!! Адрес?

Она назвала адрес.

— Пожалуйста, может, еще не поздно... — прошептала она, прижимая к губам и целуя руку дочери.

И после звонка продолжала трясти Тамару, осыпала белое лицо поцелуями и даже пыталась пальцами раскрыть ей глаза. Она не верила, она не могла поверить в то, что это не кошмарный сон, что прямо перед ней на полу лежит ее не подающая признаков жизни дочь, единственная дочь, единственный близкий человек.

Когда раздался звонок в дверь, она бросилась открывать, увидела перед собой знакомое лицо Романа, бросилась к нему на шею и отчаянно разрыдалась. Потом кричала, молотя кулачками по его плечам, извивалась и требовала, чтобы Тамара немедленно пришла в себя...

Приехавшая бригада «Скорой помощи» констатировала смерть.

— Вчера здесь еще одна девочка умерла, тоже отравление, — сказала женщина-врач,

пожимая плечами. — Это уголовщина, это не может быть суицид... Во всяком случае, я не верю. Где санитары? Сережа, позвони в милицию... Здесь надо снять отпечатки пальцев, да и судмедэксперту есть работа... А вы, женщина, сядьте, я вам сейчас укол сделаю... И примите мои соболезнования...

Валентина вдруг почувствовала, что ей кто-то смотрит в спину, повернулась и увидела Романа. Он стоял, зажав рот рукой. По впалым щекам катились крупные слезы.

14 февраля 2010 г.

Глафира еще с порога почувствовала аромат запеченной курицы, улыбнулась, открыла дверь своим ключом и вошла в квартиру. Из полумрака передней появился Адам.

— Ну, наконец-то! — Он с нежностью обнял жену. — Я тут с ума схожу от скуки... Как же это, оказывается, трудно — сидеть дома. И чего только женщины стремятся к этому? Проходи, я уже заждался...

Он нашел губами ее губы, прижал Глашу к себе.

— Сегодня День всех влюбленных, значит, и наш. Я, конечно, не повар, но кое-что приготовил. Точнее, не я, а плита. Чувствуешь, как пахнет?

— Чувствую! Я ужасно рада, что дома. Знаешь, в нашем офисе что-то в последнее время стало мрачновато...

— Что, клиентов много? — Адам помог жене раздеться, отнес одежду в шкаф. — Мой руки и садись за стол. Я понимаю, что многим подобные романтические вечера кажутся пошловатыми и все такое... А мне нравится, когда накрыт стол и двое сидят при свете свечей... И еще — вот!

Неизвестно откуда перед Глафирой появился большой букет розовых роз.

— Это тебе, Глашенька!

— Адам, ты удивительный человек... — растроганно проговорила Глаша. — Нет, ну на самом деле. Все приготовил, целый вечер ждал, жена заявила поздно, почти ночью, и — ни слова упрека. Просто золото. Не знаю, кого мне благодарить за то, что у меня такой муж...

— Я же понимаю, что у тебя работа. Бывает, иногда и я тоже задерживаюсь, а иногда — сама знаешь — приходится подбрасывать до дому припозднившихся посетителей нашего ресторана. Так что я и бармен, и водитель в одном лице. Так-с... С чего начнем? С салата?

— Давай с салата. Сегодня так много чаю выпила... на улице ветер, холодно, все время хотелось горяченького.

— Глаша, я вижу, ты хочешь мне что-то рассказать.

— Я не могу, Адам. Не тот сегодня день.

— Но это же не касается нас.

— Нет. Если только косвенным образом. Сегодня пришла одна клиентка. Одноклассница Лизы... Вот ведь как бывает в жизни. Так не вовремя, в День всех влюбленных... Будто насмешка какая-то! — И Глаша в двух словах рассказала мужу о беде, постигшей Елену Семенову, преподавательницу физики в школе.

Адам молча слушал, потом заметил:

— Но люди действительно меняются. И та Лена Семенова, что была прежде, когда Лиза училась с ней, могла за то время, что они не общались, на самом деле превратиться в монстра. Или в тихую садистку. Я сколько угодно случаев знаю, когда учителя издевались над учениками. Вот невзлюбят кого-то и мучают, унижают. К тому же сама знаешь, что сейчас в школе творится. Не представляю, как вообще учителя выдерживают. Вероятно, у вашей Елены Александровны оказалась травмированная психика, и она, быть может, сама того не сознавая, довела ученицу до самоубийства.

— Но девочка-то — круглая отличница. Эта двойка — просто случайность. Знаешь, бывает так, что-то недопонял, пошел по ложному пути и схлопотал пару... Но из-за этого не

кончают с собой! Да... Самое-то главное! Сегодня вечером, буквально несколько часов тому назад, нашли труп одноклассницы погибшей Милы Казанцевой, девочки по имени Тамара, жившей на одной с ней лестничной площадке. И тоже с признаками отравления.

— И тоже с запиской?

— Вот про записку ничего не известно. Думаю, если бы была записка, мы бы уже знали.

— И что, вам поручили защищать эту учительницу физики?

— Ну да! Пришла ее родная сестра, Надежда, ужасно расстроенная, говорит, что переживает... Сестра пока еще дома, с ней еще только беседу провели, но наверняка задержат для допроса. Вот тогда-то ей и понадобится Лиза.

Адам вздохнул:

— Да уж, невеселая у вас работа, зато крайне полезная для людей. Знаешь, я далек от этой школы, от этой учительницы, но что-то мне подсказывает, что обе смерти, во-первых, как-то связаны, во-вторых, это не самоубийства, и в-третьих, надо бы дождаться результатов экспертизы, чтобы точно знать, чем были отравлены девушки, одним и тем же ядом или нет... И, конечно, важна почерковедческая экспертиза. На самом ли деле ту записку писала... как ее?

— Мила, — подсказала Глафира. — Знаешь, так ребенка хочется, но вдруг подумаешь, что с ним будет в школе, аж мороз по коже... До школы еще можно как-то оградить малыша от внешнего мира, нанять хорошую няню, потом отправить в хороший детский сад, а потом что? Где гарантия, что в частной дорогой школе не произойдет ничего подобного?

— Глафира, ты брось все эти упаднические настроения! Ребенок должен воспитываться в естественной среде, и чем больше ты будешь стараться оградить его, тем большее и страшнее станет соприкосновение с этим миром в будущем. Жизнь продолжается, не надо ничего бояться. Ну, произошло в какой-то школе грандиозное ЧП, но никто же пока не знает, откуда тянутся нити этого преступления...

— Значит, ты считаешь, это преступление?

— Да больше чем уверен... Ну, сама подумай. Если бы у вашей учительницы была репутация садистки, то все бы об этом знали, и уж ее родная сестра — тем более. И она, рассказывая Лизе о том, что произошло, сообщила бы всю правду, чтобы Лиза смогла выстроить правильную защиту. Нет, не думаю, что дело в учительнице. Да к тому же еще, как я понял, девочка была потенциальной медалисткой. Что-то здесь не так... Ты знаешь, я большой фантазер, ужасно люблю все угадывать, а потому всегда, когда ты рассказываешь мне свои истории, придумываю самые невероятные причины преступления. Вот и сейчас, знаешь, что пришло в голову? А что, если у этой Милы и вашей учительницы была одна и та же любовь? Один и тот же мужчина? Ведь Мила — ученица одиннадцатого класса. То есть вполне уже сформировавшаяся девушка. И она могла быть влюблена... Словом, покажет вскрытие — была ли она невинной девочкой или же жила активной женской жизнью... Потом — ее окружение. Наверняка найдутся девочки-подружки, которые выложат вам всю правду о ней, о вашей учительнице и, конечно, о соседке Милы — Тамаре. Так что сейчас мы с тобой все равно ничего не придумаем. Давай уже, отключайся от этой темы и переключайся на меня...

Глафира улыбнулась:

— Адам... Я и не заметила, как съела полкурицы.

— И на здоровье!

— И пять фаршированных яиц! И огромную порцию салата! И мясной рулет! Что

делать? Так все было вкусно!

— Я рад.

— У меня не получится похудеть. Никогда.

— Ты еще не знаешь, что я приготовил для тебя!

И тут Адам, сияя от предвкушения того, что он доставит радость Глафире, принес из кухни блюдо с заварными трубочками, заполненными кремом.

— Вот так люди и погибают от чревоугодия, — простонала Глафира. — Ты же знаешь, как я их люблю...

— Главное, что они наисвежайшие и сделаны по моему заказу. К тому же я понимаю, какая у тебя собачья работа, как часто приходится тебе сталкиваться с негативными сторонами действительности. Так вот, знай, в жизни много и приятного...

Дрожащий свет свечей окрашивал комнату в теплые оранжевые тона. Адам любовался лицом Глафиры, ее блестящими карими глазами, полными губами, перепачканными в креме, порозовевшими щечками.

— Адам... — Глафира бросила на него взгляд, преисполненный любви.

15 февраля 2010 г.

Лиза из здания суда сразу поехала в школу, где работала Елена Александровна Семенова. По телефону она выяснила, что допрос ее подзащитной назначен на три часа, значит, есть еще два часа, чтобы опросить одноклассников Милы Казанцевой и Тамары Шляпкиной. Что скажет ей при личной встрече Лена, она и так знала: ничего не понимаю, с девочками никаких конфликтов не было, я не знаю, что произошло... Даже если предположить, что жизнь превратила добросердечную и справедливую Лену Семенову в садистку или неврастеничку, в любом случае та никогда не сознается и будет отрицать свою причастность к самоубийству ученицы. Поэтому, решила Лиза, самое важное сейчас, на этом этапе, когда нет результатов экспертиз, — опросить свидетелей.

Войдя под своды новенькой школы, Лиза неожиданно для себя испытала трепет ученицы, легкую нервозность, свойственную отличницам, для которых главным в их молодой жизни является пока еще только учеба. А это значит — постоянная зубрежка и желание понравиться учителям. Тем более когда идешь на золотую медаль. Вероятно, примерно так же чувствовала себя и Мила Казанцева, каждый день переступая порог школы.

Судя по тишине, в школе шел урок.

Лизу остановил охранник. Она предъявила удостоверение.

— Вы, наверное, по поводу Семеновой, — порозовел молоденький парень в форме.

Лиза молча кивнула.

— Да уж... Не каждый день такое случается. И ведь что главное — я ее знал, очень хорошо запомнил... Такая красивая, спокойная, не суетливая и скромная девчонка...

— Это вы о ком?

— Да о Миле, конечно. Вот сразу видишь человека — из нее получилась бы какая-нибудь бизнес-леди. Вы бы видели, как она ходила по школе — с гордо поднятой головой...

— Послушайте, может, поговорим где-нибудь, не на ходу?

— Да вот, садитесь, пожалуйста, на лавочку... До конца урока еще пятнадцать минут, нам никто не помешает.

Лиза несколько не удивилась тому, что простой охранник готов поделиться информацией по делу, которое взбудоражило уже всю школу. К тому же он здесь, на своем рабочем месте, наверняка маялся от скуки, а появление в школе адвоката, собирающего сведения обо всем, что могло бы касаться покойницы, развлекло его и прибавило ощущения собственной полезности.

— Расскажите мне, пожалуйста, все, что помните. — Лиза сразу приступила к делу.

— Девчонка, как я уже говорил, серьезная, знающая себе цену и, я бы даже сказал, рано повзрослевшая.

— Поконкретнее. Она что, так сильно отличалась от остальных своих сверстниц?

— Да. У многих ветер в голове, им бы покурить, погулять, провести время с мальчиками, а Казанцева — нет. Это не про нее. Конечно, когда весь класс прогуливал урок, она тоже не оставалась, не закладывала никого, то есть не была предательницей, но и особого кайфа не получала. Сидела где-нибудь на подоконнике, читала книжку, пока ее подружки кружили вокруг школы, бегали по посадкам...

— Посадкам?

— Вокруг школы — посадки... Весной там сирени много, воздух кружит голову, учиться никому неохота... Вот и срываются целыми классами — носиться по посадкам, курить...

— Что еще? Вы точно знаете, что у нее не было мальчика?

— Я никогда не видел, чтобы она с кем-то шла под руку или чтобы ее кто-то провожал. Так-то она была общительная, со всеми держалась ровно, доброжелательно... Но я же не учился с ней.

— Она сама добиралась до дома? Я имею в виду, вы не видели, за ней никто не приезжал?

— Лично я не видел, поэтому не могу ничего утверждать.

— Вы вот говорите, что она здесь ни с кем из мальчиков не общалась, не встречалась, иначе это было бы видно. Но она могла бы, к примеру, встречаться с каким-нибудь взрослым парнем, не учеником вашей школы...

— Могла бы, конечно, ну... не знаю... У нее был вид очень целеустремленного человека...

— А по-вашему, у целеустремленной положительной девочки не может быть влюбленности, переживаний и такого же целеустремленного парня?

— Да, вы правы, конечно. Но я говорю только то, что видел.

— А в последнее время вы не замечали, может, она была особенно задумчива или расстроена?

Задавая этот вопрос, Лиза подумала, что сильно увлеклась, тратя столько времени на разговор с охранником, который вообще мало что знает, поскольку стоит внизу, в холле, и следит за порядком. Однако охранник ответил:

— Нет, она не была расстроенная. Напротив, у нее был вид человека, у которого все получается в жизни. Чего нельзя, например, сказать о ее подруге — Тине Неустроевой.

— В смысле?

— Понимаете, я же здесь целыми днями, от нечего делать наблюдаю за ребятами, составляю психологические портреты... Так вот, мне никогда не было понятно, что может связывать, к примеру, такую вот девочку, как Мила, из благополучной семьи, умную, красивую, я не знаю... Словом, такую хорошую девочку с Тиной Неустроевой... Полная противоположность. Тина курит как сапожник. Постоянно меняет парней. Учится плохо и, если бы Мила не разрешала списывать, вообще непонятно, как бы добралась до одиннадцатого класса. Если Мила одевалась... как бы это сказать... сдержанно, что ли, дорого, но скромно, то Тина — просто кошмар какой-то... Свитера вытянутые, джинсы с дырами на коленях или короткие юбки... Ярко-розовые, к примеру, колготки или желтого цвета... Ногти — черные, в красную крапинку... Дурдом, одним словом. И видно, что ничего путного из нее не выйдет.

— Они дружили?

— Да. Тина все время вилась рядом с Милой...

Лиза поняла, кого будет расспрашивать после словоохотливого охранника, большого специалиста по психологическим портретам.

— Хорошо, Тину я спрошу...

— Но я же знаю, зачем вы пришли... Хотите выяснить, на самом ли деле Семенова могла довести Милу до самоубийства? Нет, нет и нет. Это вам любой в школе скажет. И записку, думаю, написала не Мила. Наша Елена Александровна — чудесный человек. Очень вежливая, приятная!.. Хотя, признаться, у нас есть учителя, которые могли бы довести до

самоубийства... Одна, к примеру, учительница по географии, которая одним своим видом может отвратить человека от школы... Мрачная такая тетка, обожает ставить двойки. Просто так. Вот изводит какого-нибудь ученика, заставляет оставаться после уроков, читать вслух учебник... Это мне ребята рассказывали. Еще одна есть, по истории... Она требует, чтобы дети читали дополнительную литературу. Просто целые тома по истории... Словом, со сдвигом баба... ой, извините, женщина. Но все равно, они какие-то комические персонажи. А вот Елена Александровна — нет. Она серьезная и добрая. И если уж поставит двойку, значит, за дело. И не конфликтная.

— Вам бы психологом работать, — улыбнулась Лиза.

В это время прозвенел звонок. Лиза вдруг почувствовала, как забилося сердце. Да, конечно, как же иначе, ведь и она тоже была когда-то ученицей, и этот громкий, пронизывающий звук заставлял ее трепетать, нервничать и куда-то спешить. Монстр по имени «школа» больно схватил за сердце, но тотчас отпустил, когда она сказала себе, что все осталось в далеком прошлом и здесь она совсем по другому поводу. Повод чрезвычайно важный — выяснить, что послужило мотивом самоубийства семнадцатилетней девочки. К тому же в прессе в последнее время то и дело появлялись сообщения о самоубийствах подростков в школах, интернатах. Еще вспомнился случай, который произошел в одном маленьком провинциальном городе, где школьницы засняли на телефон сцену избиения своей одноклассницы... Лиза подумала еще тогда, что вот в их школе, в то время, когда она училась (а это было не так давно, кстати), никогда бы такого не произошло. И она не помнит случая, чтобы девчонки вообще дрались или выясняли отношения таким вот способом. Так что же произошло в мире, что так сильно изменилось? Почему дети становятся такими жестокими?

Как следствие этих размышлений появилась версия причастности сверстников Милы к ее смерти...

Не без помощи разговорчивого охранника ей удалось вовремя появиться неподалеку от кабинета, откуда выпорхнула стайка учеников одиннадцатого «Б». Вернее, выпорхнули-то девочки, молодые люди выходили по-мужски неторопливо, перебрасываясь фразами и посматривая по сторонам. Следом вышла средних лет женщина в строгом черно-белом костюме, отряхивая ладони от мела.

Лиза подошла к ней, представилась, сказала, что хотела бы поговорить с классом. Это крайне важно. Нельзя ли каким-то образом организовать беседу? Как только она сказала это, вокруг них столпился весь класс, словно Лиза оповестила всю школу с помощью мощного микрофона.

— Да-да, я все понимаю, — проговорила учительница, представившись Галиной Семеновной, преподавателем литературы. — Я непременно поговорю с завучем и объясню ситуацию. Думаю, самым удобным было бы во время следующего урока приглашать по очереди ребят и спокойно беседовать с каждым. Господи, как же все это ужасно! Две девочки из одного класса! И знаете, хоть вы меня еще и не спросили, но я скажу: Леночка, то есть Елена Александровна, ни при чем! Это чей-то злой умысел! Хотя ума не приложу, кто мог до такого додуматься! Может, все-таки несчастный случай? Если бы только Мила, но ведь еще и Томочка! Словом, очень сложно... Непонятно. У нас вся школа взбудоражена и все как один недоумевают по поводу Семеновой. Она у нас, можно сказать, любимица. Такая молодая учительница, но талантливая, и к своей работе относится творчески. Детей очень любит. А двойка... Так кто ж из нас не получал двойки?..

— Послушайте, Галина Семеновна, вы наверняка знаете ребят. Пожалуйста, сделайте так, чтобы у меня была возможность поговорить со всеми друзьями Милы и Тамары, понимаете? Быть может, у этих девочек были подруги в других классах.

— Хорошо, я все поняла, помогу вам.

Через четверть часа Лиза уже сидела в небольшом уютном кабинете школьного психолога и беседовала с одноклассницами погибших. Самого психолога, как нарочно, в этот день не было — она уехала в командировку в Москву.

Так случилось, что в личной практике было очень мало дел, связанных с детьми. И всегда, конечно, они становились жертвами взрослых. Похищения, инвалидность, полученная ребенком вследствие побоев (этот случай Лиза вообще не хотела вспоминать, настолько болезненно он отозвался в ее душе), исчезновение (побег из дома подростка, решившего посвятить себя музыке, подавшегося в Москву самостоятельно, в возрасте четырнадцати лет)... Случаи все какие-то тяжелые, трудные. И, например, этот сбежавший мальчик рос в благополучной семье. Тем не менее Лиза во всем винила родителей. Значит, не рассмотрели в сыне творческую личность, сами не отвезли, не показали профессионалам, не помогли сыну с оценкой его способностей, не выслушали, наконец. Разве не слышали, что он целыми днями поет, стучит, изображая ударную установку, по кастрюлям, подражая известным эстрадным певцам?

Сейчас же, когда даже предсмертная записка девочки напрямую указывает на виновника ее самоубийства, Лиза почему-то считала, что источник трагедии кроется в отношениях самих подростков. И что дело будет довольно сложным и долгим. И что в жизни юной Милы Казанцевой произошло нечто из ряда вон выходящее. Возможно, групповое изнасилование. Причем не обязательно недавно. Ведь девочку нашли дома, да и видимых внешних следов насилия не обнаружили. Она была в чистой домашней одежде, на теле — ни ссадин, ни кровоподтеков, ни ран, ни следов крови или других следов биологического происхождения...

Однако надо бы дождаться результатов экспертизы.

Первая девочка, которая села на стул напротив Лизы, назвалась Олей Николаевой. Она расплакалась и сказала, что очень любила Милу, что ее в классе любили все. Она была неконфликтным и милым человеком («Ей на редкость подходило ее имя!»), всем давала списывать, помогала с учебой, иногда даже, если у девчонок возникали какие-то проблемы, могла дать денег взаймы. И у нее не было врагов. Никто про нее не сплетничал, все относились доброжелательно, хотя, быть может, в чем-то и завидовали. Как-никак, она была красива, росла в хорошей семье, могла позволить себе дорогую одежду, золотые украшения, которые очень любила.

— Оля, с кем она дружила? Она не могла дружить со всем классом.

— Она дружила с Тиной. Вы бы видели сейчас Тину... На ней лица нет. Просто опухла от слез.

— Насколько мне известно, Тина — ее полная противоположность.

— Да, это так. У нас все тоже так считают. Но, может быть, именно поэтому им и было интересно вместе. Тина в какой-то мере просвещала Милу, ведь она куда более развита, что ли, в некоторых вопросах. Думаю, водила Милу на какие-нибудь тусовки, вечеринки, где та, быть может, и чувствовала себя не в своей тарелке, но все-таки удовлетворяла свое любопытство. Со своей же стороны Мила открыла ей двери своего дома, где Тина могла увидеть жизнь нормальной семьи, понимаете? Ведь у Тины дома, по-моему, настоящий кошмар.

Лиза слушала, не перебивая.

— Понимаете, мать Тины умерла еще давно, отец долгое время жил один, вернее, они жили с Тиной, он несколько раз пытался жениться, но у него что-то не ладилось... Думаю, что все дело в Тине, которая не принимала подружек отца... А вот потом в их доме появилась Лариса. Я видела ее, очень красивая молодая женщина. Вот она-то Тину быстро поставила на место, въехала в их квартиру и теперь живет на правах жены. Я не знаю точно, расписаны они или нет.

Лиза и здесь решила не перебивать, поскольку, быть может, именно Тина, близкая подруга Милы, и сможет в конечном итоге помочь следствию. Но для того чтобы быть готовой к разговору, совсем даже неплохо побольше узнать о ее семье.

— Так вот. С тех пор как в квартире Тины поселилась ее мачеха, жизнь самой Тины сильно изменилась. Она стала нервная, очень много курит. Думаю, не обходится и без алкоголя. Но это вне школы. На уроках я ее пьяной не видела ни разу.

— Послушайте, но это действительно разительный контраст — Мила и Тина. Думаете, Мила училась у Тины выпивать за углом? И покуривать?

— Покуривать — это вряд ли. Если кто и мог ее приохотить к курению, так это Тамарка Шляпкина, соседка... Господи, как подумаю, что ни той, ни другой уже нет в живых, нехорошо становится... Вернее, до меня это еще просто не дошло!

— И все-таки... Какого рода отношения были между Тиной и Милой?

— Они дружили. Думаю, что Мила жалела ее, подкармливала, ссужала деньгами. Знаю точно, что покупала ей сигареты и пиво. Сама видела. Что же касается каких-то отношений вне школы, то затрудняюсь ответить...

— Оля, мы подошли к очень важной теме — мальчики. У Милы был друг?

— Нет, что вы! Она была такая... Как бы это сказать?... Понимаете, если бы у нее кто-то и появился, то значительно старше и умнее ее. А так... Думаю, нашим парням она была не по зубам. Они ее обожали, уважали и так далее... Но не могу представить себе ни одного из наших рядом с нею... Все как-то понимали, что если уж она и станет с кем-то встречаться, это будет какой-нибудь ботаник-студент, и тоже из хорошей семьи. Видно было, что она еще не встретила своего парня.

— А что с Тиной? Ее личная жизнь... — осторожно спросила Лиза, понимая, что провоцирует девочку на то, чтобы та, в сущности, опустилась до сплетни.

— А... У Тины? Думаю, у таких с личной жизнью все всегда в порядке. До определенного момента...

— До какого?

— До серьезного, конечно, — пожала плечами девочка. — С такими, как Тина, гуляют, а на таких, как Мила, женятся. Хотя та же самая Лариса, к примеру, мачеха Тины. Вот ведь вышла же замуж. Правда, муж — так себе...

Лиза поймала себя на том, что разговаривает с Олей Николаевой, как со взрослым человеком. Во всяком случае, воспринимает ее именно так.

— Вы слышали когда-нибудь, чтобы Тина как-то дурно отзывалась о Миле?

— Никогда. Это вам любой скажет.

— Хорошо. Вы, я думаю, знаете о существовании предсмертной записки Милы. Что первое пришло вам в голову после того, как вы услышали об этом?

— Что физичка ни при чем. Да, она поставила Миле двойку. Но двойки получил почти весь класс. Там было какое-то нереально трудное задание. Думаю, Елена Александровна

просто поставила эксперимент, устроив эту самостоятельную работу. Я тоже, кстати, получила двойку. И Тина, и многие другие... Но никто, скажу вам, особо не расстроился. Тем более что до конца года еще далеко, и эта двойка ну никак не отразилась бы на общей картине успеваемости.

— А Тамара? В каких отношениях она была с Милой? Или Мила с Тамарой?

— Они были соседками. И прекрасно ладили. Не дружили, нет... Хотя Тамара куда больше стодила бы на роль ее подруги. Конечно, у нее неполная семья, но очень хорошая мать. Жаль, конечно, что у нее жизнь личная не устроена. Но в целом этот факт ни на что не влиял.

— Оля, вас послушать, так в вашем классе очень хороший климат, и вы практически обходитесь без конфликтов. Однако сериал «Школа»...

— В «Школе» — все правда, — с готовностью выпалила Оля. — Но бывают разные классы, так подбираются... Да и люди тоже разные. Думаю, это зависит все-таки в большей степени от того, в какой семье кто воспитывается. Наш класс на самом деле какой-то спокойный.

— Задам такой вопрос: как вы думаете, Оля, кто мог бы желать смерти Миле? Или Тамаре?

— Понятия не имею. Думаю, произошло какое-то чудовищное недоразумение. У нас все так в классе думают. Вы будете опрашивать сейчас всех — вам никто другого не скажет.

Оля оказалась права. Практически все одноклассники погибших девочек (в том числе и Тина, которую Лиза пока что решила не выделять) говорили одно и то же. Либо, думала Лиза, они сговорились молчать и не рассказывать правду, либо в этом классе на самом деле никаких видимых драм не было.

Девочки, однако, оказались намного разговорчивее ребят.

Что же касалось отношения класса к Елене Александровне, то и здесь чувствовалось единодушие — все как будто уважали физичку, высказывались о ней, как о чуть ли не самой любимой учительнице. Тем более непонятна эта предсмертная записка...

У Лизы промелькнула мысль и вовсе невероятная: а что, если у Лены Семеновой в школе была своего рода соперница, тоже учительница, которая завидовала ей? Может, как-нибудь на педсовете директор поставила Лену в пример этой сопернице. Чем не повод разозлить амбициозную коллегу, да к тому же еще старательную, трудолюбивую?

Был разговор и с директором школы в типично строгом костюме, немолодой, с усталым лицом. Та сказала только, что в школе говорят о самоубийствах. Почему о самоубийствах? Потому что так всем спокойнее? Или наоборот — беспокойнее, ведь теперь надо искать причины. И все как один удивляются выбранной мишени.

Сказать, что беседы с одноклассниками ничего не дали, значит, слукавить. Конечно, дали. Прежде всего ощущение, что все о чем-то умалчивают.

15 февраля 2010 г.

Было непривычно холодно. То есть она привыкла, конечно, к холоду. К физическому, ведь на улице ветреный февраль. Но холод был какой-то странный, внутренний, словно она замораживалась изнутри и ничего не могла с этим поделать. Стыли ноги, обутые в теплые меховые сапоги. И пальцы рук, самые кончики, стали, кажется, совсем ледяными... Наконец она увидела знакомое лицо. Лиза Травина. Какое счастье. Она думала уже, что никогда не отыщется человек, который встанет на ее защиту.

— Спасибо, что пришла, — прошептала Елена Семенова, давясь слезами, как если бы увидела, что в кабинет следователя, который тактично удалился, вошла мама. Вот точно такая же была бы реакция. На этот раз на месте мамы, которая все поймет и простит, оказалась Лиза.

— Успокойся, Лена. — Лиза улыбнулась так, как если бы они расстались только вчера, на школьном дворе. Она прекрасно выглядела: молодая, стройная, полная сил и на редкость румяная, что добавляло красок унылому зимнему дню. — Давай поговорим.

— Даже не знаю, с чего начать... Хочется твердить только одно: янивчемневиновата, янивчемневиновата... Без пауз. Но я на самом деле ни в чем не виновата. И двойки в тот день поставила многим. Ребята что-то недопоняли, так это не моя вина. Скажу даже, что оценки эти не пошли в журнал!!!

Удивительно, но вот об этой существенной детали никто из учеников не сказал. А ведь фраза «это не пойдет в журнал» воспринималась как подарок небес. Другими словами, что оценка как бы несерьезная, хотя и стоит призадуматься. Не более.

— Лена, прошу тебя, во-первых, успокоиться...

— Лиза! Да не могу я успокоиться! Меня обвиняют в доведении до самоубийства! Как я могу быть спокойна? Тем более что к Миле Казанцевой я относилась хорошо, она была способной, талантливой ученицей, и у нас с ней никогда не возникало никаких конфликтов. Вот скажи, если бы тебе предъявили такое обвинение...

— Лена, я все понимаю. Но записка есть. Мне позвонила Глаша и сказала, что почерк, которым она написана, действительно Людмилы Казанцевой! Понимаешь? Я еще надеялась, что это фальшивка, что кто-то просто хотел подставить тебя, но почерк, повторяю, ее, Милы! Постарайся вспомнить, что между вами могло произойти, чтобы она написала такое... Может, ты ее оскорбила, унизила. Ведь она же написала: «В моей смерти прошу винить Елену Александровну Семенову. Устала от унижений и оскорблений. Не поминайте лихом... Мила. Прости меня, мама...» Ты уж извини меня, что я напомнила тебе этот жуткий текст... Но нам надо будет с ним работать. Понять, что же могло случиться, чтобы девочка решилась... Я понимаю, что записка, быть может, и не имеет никакого отношения к ее смерти... Ее вообще могли убить, а записку она могла написать под давлением, понимаешь? А тебе, раз ты не чувствуешь своей вины, все же не стоит ударяться в панику. Жаль, что пока еще не готовы результаты вскрытия. Мне почему-то кажется, что ее смерть связана не с тобой, да и вообще не со школой или учебой, тем более что в школе-то у нее было как будто бы все благополучно.

— Тогда с чем?

— Я сегодня больше двух часов беседовала с ее одноклассниками, с классным

руководителем — бледная, на мой взгляд, и слабая личность, вообще никакая и мало что может сказать о своих учениках, — и мне показалось странным, что все как один утверждают, что у Милы не было никакой личной жизни. Словно она была... как бы выше всех романтических отношений, и вся жизнь ее сконцентрировалась на учебе, на медали... А что ты можешь об этом сказать? Твои наблюдения?

— Я же не была классным руководителем, виделась с Милой лишь на уроках физики. Могу сказать, что она производила впечатление девочки умной, доброжелательной, неконфликтной и очень замкнутой. Конечно, не могла не бросаться в глаза ее дружба с Тиной Неустроевой.

— А на уроке физики можно было определить, кто с кем дружит?

— Мало того что они сидят вместе, а это тоже, как ты знаешь, показатель определенных отношений, ну, хотя бы симпатий, так еще они постоянно на переменах рядом. Не могу сказать, что ходят, вернее, ходили взявшись за руки, это было бы слишком. Хотя в младших классах эту картину нередко можно увидеть. Но их дружба все равно бросалась в глаза. Все в школе знали Милу Казанцеву, и многие недоумевали, что между ними может быть общего. Однако они прекрасно ладили и были, я думаю, интересны друг другу.

— Может, Мила вляпалась в какую-нибудь историю, связанную именно с Тиной?

— Да все может быть! Но никак не могу понять, при чем здесь я!

— Тогда расскажи о вашей последней самостоятельной. Что произошло, почему Мила получила двойку и, главное, как на нее отреагировала?

— Да в том-то и дело, что никак. Совершенно спокойно восприняла... А вот Тина, кстати говоря, как будто расстроилась. Сказала, что у нее и так полно двоек. Но зато я отнеслась к этому весьма спокойно, поскольку понимала, что она шутит и ей на самом деле глубоко наплевать. Она-то не собиралась идти ни на какую медаль, а уж то, что получит аттестат, — все понимали. Говорю же, эта самостоятельная работа ничего не решала, и ни с кем из-за нее никаких конфликтов не могло возникнуть!

— Ничего не понимаю... — развела руками Лиза. — Но тогда что это — шутка такая идиотская? Смертельная?

— Лиза, пожалуйста, сделай все, чтобы я не осталась здесь...

— По-моему, тебя просто вызвали сюда на допрос, и серьезных оснований для того, чтобы тебя задержать, не существует.

Зазвонил телефон, Лиза посмотрела на вздрогнувшую Лену, которая нервным движением принялась открывать телефон.

— Да, слушаю... Извини, не могу сейчас говорить, я на допросе... Да, вот так... не забрали телефон... Что? Да, вот и я тоже так думаю. Все, дорогой, целую...

Она захлопнула крышку телефона и поспешно, словно боясь, что его отберут, спрятала в карман.

— Ты встречаешься с кем-то? — предположила Лиза, не собираясь смущаться оттого, что ей приходится задавать этот вопрос именно в связи с расследованием дела, а не из чистого любопытства.

Елена порозовела.

— Да, у меня есть жених.

— Ты извини меня, Лена, но я должна с ним встретиться и поговорить, — проговорила Лиза бесстрастно. Работа научила ее в некоторых ситуациях быть жестокой. Вот и сейчас она продемонстрировала Лене свою холодность вместо того, чтобы проявить видимое

сочувствие, то, чего ожидала от нее Лена, ее подзащитная.

— Хорошо... — растерянно проговорила Лена, вновь доставая телефон. — Вот, записывай номер...

Лиза записала. Затем подняла глаза и посмотрела на Лену долгим внимательным взглядом.

— Лена, прошу тебя, постарайся вспомнить, что вообще происходило в этом классе в последнее время. Ведь погибла еще она девочка — Тамара Шляпкина, ты же знаешь... И как не увидеть связь между двумя смертями? Одноклассницы, соседки. Может, ты что знаешь об отношениях девочек? Или что-то слышала?

— Да нет же! Я абсолютно ничего не знаю и не слышала! Мне важно было подготовить их к выпускным экзаменам! Это сейчас для нас самое важное! Мне звонила директор и просила пока не появляться в школе, сказала, что я временно отстранена от преподавания и она передает мои часы другой учительнице... А я переживаю, мне далеко не все равно, как сложатся отношения моих классов с этой учительницей, насколько хорошо она подготовит их к экзаменам.

— Как зовут твоего знакомого?

— Виктор.

— Фамилия?

— Сыров. Виктор Сыров. Вообще-то, это ужасно, что ты пойдешь к нему разговаривать обо мне. Без этого никак нельзя?

— Не переживай, если он любит тебя, то всегда будет на твоей стороне, сделает все, чтобы защитить тебя...

— Не знаю... Во всяком случае, бурную деятельность, связанную с моим домашним арестом и подозрениями, развила моя сестра, а не он...

— Но он знает?...

— Да, конечно, я сама сказала ему. И знаешь, с тех пор я его не видела... Он позвонил только что... Первый раз.

Она сказала чистую правду, словно призналась в самом главном Лизе, человеку, к которому чувствовала доверие. Словно пожаловалась. И почему-то, назвав Виктора женихом, словно обманула, причем не только Лизу, но и саму себя. Еще недавно, до трагедии с Милой, она мечтала выйти за него замуж, понимала, что дело идет к свадьбе, тем более что они вместе с Виктором и платье выбирали в каталоге, и обсуждали, в каком ресторане будут отмечать, но после того как он исчез, перестал звонить и отвечать на ее звонки, она засомневалась в нем. И в своих чувствах тоже.

Как могло случиться, что все в ее жизни рухнуло в одночасье? В ту минуту, когда ей позвонила директор школы и сказала, что из-за нее покончила самоубийством, приняв яд, Мила Казанцева?

Она тогда была дома одна. Закончив проверять школьные работы, уютно расположилась на диване перед телевизором, представляя себе завтрашнюю встречу с Виктором. Что она наденет? О чем они станут говорить? Стоит ли спросить его, нет ли у него детей на стороне? Был ли он женат? И как спросить — в шутку или всерьез?

Он наверняка поинтересуется, откуда такие вопросы, и тогда она просто ответит, что они же собираются жить вместе, вот она и хочет узнать больше о своем будущем муже. Это же так естественно.

На самом же деле она чувствовала сердцем, что у него кто-то есть помимо нее. И не

обязательно другая женщина. Возможно, какой-то близкий человек, ребенок... Она не могла ответить себе, откуда взялось это чувство. Быть может, просто не могла представить, что такой красивый и умный молодой человек до встречи с нею ни с кем не пытался устроить свою личную жизнь, не влюблялся, наконец.

А еще он постоянно опаздывал. И редко называл ее по имени. Словно боялся перепутать. Или же все это лишь ее болезненная мнительность? Ведь она так любит его! И боится потерять.

— Лена... Ты, главное, наберись терпения и переживи трудное время. Уверена, ты не имеешь к смерти Милы никакого отношения. И вполне допускаю, что твое имя было использовано тем, кто диктовал Миле это письмо. Просто так, первое, что пришло в голову. Другое дело, кто и зачем это сделал.

— Я смогу оставаться дома? — повторила Лена свой вопрос, чувствуя страх вместе с желанием вернуться домой. Ей казалось, что дома она уже никогда не сможет чувствовать себя так спокойно и уютно, как прежде. Ведь именно там она слышала по телефону ужасные слова, произнесенные директором.

— Думаю, да. Сейчас придет следователь и начнет тебя допрашивать. Все отрицай, разговаривай с ним так же, как сейчас со мной, тем более что ты ни в чем не виновата и тебе не в чем признаваться. А я буду рядом.

После последней фразы Лена почувствовала, как по щекам ее потекли слезы.

15 февраля 2010 г.

— Герман, привет! — Лиза поприветствовала своего знакомого судмедэксперта Германа Турова. — Как поживаешь?

— Да разве ж это жизнь, когда вокруг одна смерть, — сказал он невесело, что-то записывая, сидя за своим столиком. — Сразу две девочки. Им бы любить и любить, рожать и рожать.

— Это они? — Лиза кивнула на прикрытые простынями тела на столах. — Казанцева и Шляпкина?

— Да. А ты здесь при чем?

— В доведении до самоубийства обвиняют мою знакомую. Сам понимаешь, не могу не помочь. Так что там?

— С кого начать?

— С Казанцевой.

Герман встал, потянулся, как человек, долгое время находившийся в неподвижном состоянии, вздохнул и довольно энергично прошел в конец просторного, залитого молочным светом зала, остановился возле стола и приоткрыл лицо покойницы.

— Совсем девочка, — сказал он. — В ее крови я обнаружил яд адилин-супер — препарат так называемого списка А, вызывающий как у животных, так и у людей мучительную смерть от удушья в течение десяти минут! Агония начинается после введения уже через четыре минуты. Паралич дыхания, судороги, остановка сердца.

— Какой ужас! Постой, ты сказал — адилин. Мне кажется, таким препаратом усыпляют животных в ветеринарных лечебницах, так?

— Совершенно точно.

— Другими словами, яд при желании можно найти без особого труда.

— И я о том же. Но введен он был в организм не с помощью инъекции, а очень оригинальным способом — сначала его смешали с гранулами витамина С, а потом уже поместили в крупные капсулы желтого цвета, такие продолговатые, в которых и продается чистый витамин С — Cetebe.

— Не слишком ли сложный путь? И если у девочки был этот самый яд, не проще ли было принять его, растворив в воде?

— Абсолютно верно. Это никак не суицид, уж поверь мне. Я, конечно, не следователь, но обеих девочек убили.

— И Шляпкину тоже?

— Безусловно. Они погибли от одного и того же яда. Причем ни одна из них не сопротивлялась, понимаешь? Девочки приняли этот яд самостоятельно, но, вероятно, не зная, что это такое. Думали, витамины. Ни следов борьбы, ни чужого эпителия под ногтями, ничего. Впечатление, будто бы они скушали смертельные дозы в спокойной домашней обстановке. Знаешь, встала девочка Мила утром, зашла на кухню, достала капсулы, выпила, запив водой, и... умерла.

— А как же записка?

— Да, мне сказали, что на столе в кухне Казанцевой была обнаружена записка недвусмысленного содержания, мол, прошу винить в моей смерти учительницу по физике.

Бедная женщина! Вероятно, и есть твоя одноклассница. Конечно же, она ни при чем.

— Герман, расскажи мне... В школе мне сказали, что Мила была увлечена учебой, такая серьезная девочка, потенциальная золотая медалистка. И полное отсутствие личной жизни.

— Отнюдь. Она жила активной половой жизнью.

Лиза, которая и без того предполагала, что дружба с Тиной Неустроевой не могла не повлиять на моральный облик отличницы, тем не менее удивилась.

— Активной, значит?

— Да. Но в день смерти у нее не было полового контакта.

— То есть изнасилована она не была.

— Нет.

— Что еще?

— Совершенно здоровый ребенок.

— Да, конечно, ребенок. Хорошо, а что с Тамарой Шляпкиной?

— А вот она была девственницей. В крови, помимо этого яда, не было обнаружено ни наркотиков, ни алкоголя... В общем, нормальные школьницы.

— Спасибо, Герман.

Лиза вышла из морга, села в машину и позвонила Сергею Мирошкину, знакомому следователю.

— Сережа, привет! Я сразу по делу. Ты не знаешь, кто ведет дело о самоубийстве двух школьниц — Казанцевой и Шляпкиной? Ты? Вот это настоящая удача! Послушай, Сережа, мне очень нужна твоя помощь... Можно, я к тебе подъеду? Прямо сейчас? А лучше всего, если мы с тобой пообедаем где-нибудь. Я угощаю. Заодно расскажу тебе все, что знаю.

Через полчаса они уже сидели в ресторане «Тройка», ели куриный суп и поджидали кулебяку.

Сергей Мирошкин, скромный, с бледным лицом и умными карими глазами следователь прокуратуры, ел вяло, чувствовалось, что он очень устал и несколько дней толком не высыпался.

— Что с тобой? Ты очень плохо выглядишь, — сказала Лиза.

— Работа, — ответил Мирошкин со вздохом. — Ты знаешь, мне очень нравится моя работа, но иногда такое впечатление, будто бы у меня батарейки садятся, понимаешь? Так много всего за последнее время навалилось, и хотя дела идут неплохо, то есть я хочу сказать, два дела, на которые я трачу все свое время, продвигаются, явно не висяки, я точно знаю, кого ловить, но у меня просто не хватает доказательств... Такое чувство, будто бы меня водят за нос. Но я все равно схвачу этих мерзавцев...

— А я тебя еще нагружу, хорошо? Ты ешь, ешь и слушай. Значит, так. Думаю, что официального заключения судмедэкспертизы по этим двум девочкам у тебя нет, а к Гере ты зайти еще не успел, так вот, я тебе кое-что расскажу...

И она рассказала о своем визите к Турову.

Мирошкин присвистнул:

— Хочешь сказать, что смерть этой... Казанцевой может быть связана с ее личной жизнью?

— Я больше чем уверена. Конечно, если бы она была беременна, то мотив убийства был бы еще более понятным. А так... Мне бы очень хотелось узнать, кто ее любовник, понимаешь? Поскольку в день смерти она не имела полового контакта, то и взять ДНК человека, с которым она находилась в связи, невозможно, но все равно где-то он наследил,

понимаешь меня?

— А что говорят ее подружки?

— Все врут, говорят, что у нее вообще не было никакой личной жизни, что она думала только об учебе и вообще была пай-девочкой. Вот так-то. Я запланировала более подробную беседу с Тиной, ее самой близкой подругой, с которой они были неразлейвода, но сейчас речь идет о вполне конкретных биологических следах любовника Милы.

— Так возьми на экспертизу ее белье, которое мама не успела постирать, поищи в ее сумочке презервативы, а когда найдешь — покажи опять же маме, чтобы объяснить ей, что у Милы был мужчина, и возможно, что в смерти ее дочери виновата не учительница физики, а любовник. Уверен, мама после таких слов сама сообразит, где можно найти эти самые следы... Другими словами, начнет помогать тебе. Не удивлюсь, если Мила приводила его домой — опроси соседей. Помоги мне, а я помогу тебе с ДНК. Глядишь, вместе и найдем, кто виновен в смерти девочки. Ну хорошо, предположим, мы нашли этого мужчину. А Шляпкина? Она-то при чем?

— Вариантов множество. Самое простое — могла быть соперницей, мужчина встречался одновременно с двумя девочками, а потом отравил их...

— Нет-нет, исключено. Тамара Шляпкина в отличие от Милы Казанцевой была девственницей, у нее не было любовника.

— Она могла с ним не спать, но быть влюбленной... К тому же, сама знаешь, между ними могли быть определенные сексуальные отношения, которые просто не успели перерасти в более близкие... Я даже не удивлюсь, если выяснится, что в случае с Милой Казанцевой это суицид, то есть она узнала, что Тамара встречается с ее любовником, и сначала отравила себя, но перед этим предложила сопернице капсулы с «витаминами»...

— Да уж, вариантов, как могли разворачиваться события, на самом деле много. Значит, советуешь взять в союзницы маму Милы?

— Начни с нее. И непременно опроси соседей. Если Мила приводила своего любовника домой в отсутствие родителей, его могли увидеть. И даже если никто ничего не видел, не исключено, что он вообще мог жить где-то поблизости, даже в одном подъезде.

— Вот пусть Глафира этим и займется, — пробормотала Лиза задумчиво. — А я все-таки еще раз поговорю с Тиной.

15 февраля 2010 г.

Смалодушничал, позвонил. И теперь так жалел, что просто места себе не находил.

Хотя, если бы он не позвонил, это могло бы вызвать подозрение как у самой Лены, так и у ее сестры, которой Лена непременно расскажет сегодня о звонке, и они, две сестры, станут перемывать ему косточки и скажут друг другу о нем не самое приятное. Особенно постарается Надежда. Уж она-то точно не промолчит и скажет наконец Лене все, что думает о нем. О том, какой он скользкий тип, ненадежный, мутный, непонятный, а еще — трус и предатель. Конечно, он же исчез с горизонта своей невесты как раз в тот день, когда она узнала, что ее обвиняют в смерти ученицы.

Трус... А кто бы на его месте не испугался? Тем более есть вероятность, что его рано или поздно (и быть может, не без помощи Тины) вычислят и привлекут к ответственности.

Ответственность. Виктора прошиб пот. Он часто представлял себе, как однажды в его квартире раздастся звонок, и люди с непроницаемыми лицами просят его пройти с ними. В ад.

В такие минуты смертельного страха он спрашивал себя, как много мужчин позволили себе перешагнуть грань, которую перешагнул он, тридцатипятилетний мужчина, открывший в себе жгучую сладость любви к школьницам? Он что, один такой в городе? Неужели надо, чтобы тебя непременно считали маньяком? Маньяк. Это как диагноз. А он-то совершенно здоровый, полный жизненных сил мужчина. Здо-ро-вый.

[Купить полную версию книги](#)